

АРТЁМ СТРЕЛЕЦ
ТРОФЕЙ



Артем Стрелец

Трофей

«Автор»

2026

Стрелец А.

Трофей / А. Стрелец — «Автор», 2026

Зачистка нижнего сектора пошла не по плану. Первая волна ушла вниз. Потом оборвалась связь. Вторая волна не пришла. А потом стало ясно: наверху либо забыли, либо уже некому помнить. Один штурмовик остаётся среди бетонных тоннелей, старых техмагистралей и тварей, которые слишком быстро учатся охотиться. Броня держится на остатках ресурса. Тело — на химии, боли и злости. Приказ — на привычке выполнять его даже тогда, когда приказ уже некому подтвердить. В таких местах не находят спасения. Но иногда из темноты вдруг раздаётся тонкое, злое:— Мяу. И теперь ему нужно не только выжить.

Содержание

1	5
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Артем Стрелец

Трофей

1

— Мне бы сдохнуть давно. Но всё никак.

Рука сама нащупала нужный рычаг. Пальцы дёрнули его вниз, потом ещё раз, до упора. Над ладонью вспыхнуло тусклое поле активации, и в сторону пролома развернулся силовой щит.

— Хер вам!

Улыбка вышла кривой, злой. На грязном, иссечённом лице она смотрелась как трещина на старом шлеме. Он едва высунулся из-за бетонного обломка, дал короткую очередь и сразу ушёл обратно, вжимаясь в укрытие так, будто хотел вдавиться в сам камень.

Теперь его точно засекали.

Теперь он был мишенью.

Яркой. Удобной. Последней.

Но лучше так, чем сидеть под плитой и ждать, пока эти твари обойдут с боков или просто завалят мясом.

Кувырок.

Ещё один.

Потом рывок в щель между двумя лопнувшими бетонными плитами. Иглы ударили сверху почти сразу, выбивая крошку, пыль и острые осколки. Что-то звонко чиркнуло по броне, что-то врезалось в щит, отдав в руку тупой болью. Он не остановился. Перекатился, ударился боком о камень, едва не потерял боевой модуль, но всё же удержал её и пополз дальше.

Впереди темнел вход в тоннель.

Он видел его раньше — вскользь, ещё вечером, когда отходил через развалины. Тогда просто отметил как очередную дыру в мёртвом городе. Таких тут хватало. Провалы, трещины, колодцы, обрушенные переходы. Город давно сдох, а его кости всё ещё торчали из земли, как ржавые обломки из гниющего тела.

Теперь эта дыра вдруг стала шансом.

Единственным.

Он нырнул внутрь, на ходу выдрал из пояса два детонатора и швырнул их назад, в пролом.

Первый взрыв ударил в спину тяжёлой волной.

Второй — следом, глуше, яростнее.

Проход дрогнул. С потолка посыпалась бетонная пыль, мелкая крошка застучала по наплечникам и шлему. Где-то сзади что-то обвалилось с низким, мерзким грохотом. Не завалит. Не должно. Только бы прижало вход. Только бы задержало их хоть ненадолго.

Он выдохнул и, пригнувшись, рванул глубже.

Тоннель был узким, старым, с потрескавшимися стенами, покрытыми копотью и ржавыми потёками. Под ногами хрустело стекло, пластик, что-то сухое и ломкое. В воздухе стоял запах сырости, горелой изоляции и старого гниения. Датчики тут же выдали поверх визора мутные метки: органика, следы разложения, токсичные пары. Ничего нового. Он только поморщился и привычным движением смахнул предупреждения с внутреннего экрана шлема.

Позади донёсся визг.

Не человеческий.

И не звериный.

Он крепче сжал штурмовой модуль и побежал быстрее, тяжело, с натужным хрипом. Каждый шаг отдавался болью в рёбрах. Левый бок горел. Под бронёй давно было мокро, и он прекрасно понимал, что это не только пот. Индикатор на наруचे мигал тускло-красным, упрямо напоминая, что стимулы почти на нуле, боекомплект тоже, а чудес не бывает.

Но он всё ещё двигался.

А значит, был жив.

Пока.

Впереди тоннель слегка расширился и ушёл вниз. Там, в темноте, угадывались рваные контуры старой техмагистрали или аварийного перехода. Когда-то здесь, наверное, бегали люди, гудели кабели, горели лампы, кто-то спешил, кто-то матерился, кто-то хотел домой. Теперь здесь остались только мрак, пыль и эхо чужой охоты.

Он на секунду замер, прислушался.

Тишина в этом месте казалась почти чудом. Неправильным, подозрительным, слишком щедрым для этих развалин. На миг в голове всплыло что-то из прежней жизни: тёплый свет в окне, запах еды, тихие голоса за стеной, чьё-то сонное дыхание рядом. Не лица. Не имена. Просто ощущение дома — размытое, далёкое, почти чужое. Мягкая, опасная память, которой здесь вообще не должно было быть.

Внутреннюю слабость он задавил сразу. Не время. За спиной остались твари, впереди — тёмный тоннель, а между ними только он сам, боевой модуль на грани перегрева и брони, которая держалась больше из упрямства, чем по расчёту.

И всё же мысль не уходила: раньше было проще. Не легче — нет. Просто понятнее. Война хотя бы делала вид, что у неё есть правила: точки сбора, маршруты отхода, координаты своих и чужих, приказы, сектора, линии обороны. Был враг, которого можно обозначить. Была задача, которую можно понять.

Здесь порядка не осталось. Только враг. Много врага. И старый приказ, который он продолжал выполнять уже по инерции, хотя новых приказов не поступало давно. Месяц. Грёбанный месяц, если верить внутреннему таймеру брони. Тот всё ещё исправно отсчитывал циклы обслуживания, замены боекомплекта и техосмотра, будто издевался над ним своей аккуратностью.

Машина продолжала жить по уставу даже здесь, где никакого устава уже не существовало.

От этой точности становилось только злее. Она напоминала о нормальном мире, который, возможно, ещё где-то продолжал существовать. Там люди проверяли снаряжение, получали новые модули, ели горячее, спали по графику и знали, какой сегодня день.

Здесь не было ни техобслуживания, ни пополнения запасов, ни связи, ни ротации. Только он, обрывки старого снаряжения и твари, которые весь месяц пытались его сожрать.

Боевой модуль пока держался. Старая военная сборка — злая, почти безотказная, рассчитанная на долгую работу без нормального обслуживания. Внутри ещё жила ядерная батарея, та самая, ради которой такие модули и ценили: заряда хватало надолго, почти издевательски надолго.

Проблема была не в батарее, а в мощности. По уставу одного импульса хватило бы, чтобы вскрыть бронепластину, пробить лёгкий корпус или уложить человека в тяжёлом снаряжении. Против этих тварей всё работало хуже. Иногда приходилось всаживать шесть зарядов подряд, чтобы просто свалить одну. Не убить наверняка — именно свалить, а потом добить в голову, пока она не поднялась снова.

Если у урода череп оказывался плотнее, чем хотелось бы, если броня на морде держала удар или жизненно важные узлы были смещены, всё превращалось не в убийство, а в лотерею. Модуль бил, тварь падала, дёргалась, вставала — и каждый новый импульс только сильнее грел ствол, жрал ресурс и сокращал тот маленький запас времени, который у него ещё оставался.

Хорошо хоть резак ещё был при нём. Резаку было плевать, что перед ним: плоть, кость, броня, арматура или старая створка шлюза. Он просто резал, пока хватало силы держать его в руке.

Плохо было другое: ближний бой давно перестал быть запасным вариантом. Теперь он всё чаще становился последним рубежом.

Под бронёй неприятно тянуло бок. Он уже не пытался себя обманывать: внутренний слой промок, ткань липла к коже, а тяжесть в теле говорила яснее любого индикатора — рана снова открылась.

Наручный блок мигал предупреждением и предлагал ввести кризал. Последнюю инъекцию. Ту самую, которую он берег не потому, что верил в чудо, а потому что без неё дальше могло стать совсем коротко.

Он проигнорировал подсказку.

Где-то глубоко ещё жила тупая надежда на подкрепление. Слово давно почти потеряло смысл, стёрлось до ритуала, но он всё равно цеплялся за него. Потому что без этой надежды оставалась только простая схема: убивать, держаться, выжить.

С последним пунктом дела шли всё хуже.

Злость помогла. Он выдохнул и откинул голову назад, глухо стукнув затылочной пластиной шлема о бетон.

Не отдых. Просто остановка. Несколько секунд, когда можно было не двигаться, не слушать собственные шаги и не считать, сколько ещё выдержит тело.

Тишина стояла густая, вязкая. Не мёртвая — затаившаяся. Будто сам город, разваленный, выжженный, провалившийся внутрь себя вместе с переходами и шахтами, на миг перестал скрипеть и осыпаться, чтобы прислушаться к нему в ответ.

Он давно знал: такие передышки почти никогда не бывают подарком. Там, где внезапно становится тихо, обычно либо что-то сдохло, либо что-то готовится прыгнуть.

Во второе он верил охотнее.

Взгляд скользнул по показателям: резак, щит, последняя инъекция кризала, перегрев боевого модуля, запас батареи. Жить можно. Воевать — уже хуже. И человек внутри брони, которая пока держалась, но всё чаще казалась тяжёлым железным саркофагом.

Расклад был дрянной.

Он коротко усмехнулся, без радости, больше по привычке, чем по желанию. Потом оттолкнулся от стены и пошёл дальше. Под бронёй снова потянуло бок, рёбра отозвались тупой болью, по ногам прошла мелкая дрожь.

Ещё один поворот остался позади.

Тоннель впереди снова распался на завалы, мусор и обломки плит. Среди этой дряни копошились мелкие твари — падальщики, почти безвредные, если не дать им добраться до открытой кожи. Он скользнул по ним взглядом и не стал тратить разметку визора. Батарее приходилось беречь даже на такую мелочь.

Тишина пока держалась.

Он прошёл ещё метров пятьдесят: медленно, без остановок, перешагивая через мусор и протискиваясь там, где бетонные балки почти срослись между собой. Потом заметил ответвление. Небольшой технический карман, почти скрытый за перекошенной створкой и кучей старого железа.

Сначала показалось, что вход просто забит хламом. Створка была вдавлена внутрь и наполовину прикрыта искорёженным корпусом какого-то автомата или ремонтного блока. Разбирать, чем именно он был раньше, не имело смысла.

Он приблизился, присел, прислушался.

Ничего.

Тогда он упёрся плечом и сдвинул завал в сторону. Металл глухо скрежетнул о бетон, створка подалась.

Он замер на секунду, держа оружие наготове.

Потом нырнул внутрь.

Помещение оказалось небольшим, метров пять на пять, почти квадратным. На первый взгляд — удивительно нетронутым.

Внутри, судя по датчикам, держался сухой, застоявшийся воздух — такой бывает в закрытых помещениях, куда давно никто не заходил. Фильтры отметили пыль, старую гарь и слабые следы разложения, но ничего критичного не показали. На полу валялись контейнеры, куски кабеля, разобранные панели, ящики с истлевшей маркировкой. Вдоль стены тянулись шкафы и полки с остатками оборудования.

Пыль лежала толстым слоем, но ничего не выглядело разграбленным или разорванным.

В дальнем углу стоял стол.

Рядом — стул, сдвинутый чуть в сторону, будто кто-то когда-то поднялся и больше не вернулся. На столешнице под толстым слоем пыли темнели старые мониторы, плоские, широкие, давно слепые. Возле стены тянулись шкафы с оборудованием, кабели, панели, коробки с истлевшей маркировкой.

Всё выглядело слишком целым.

Не чистым. Не живым. Просто нетронутым.

И от этого становилось хуже. В таких местах нетронутые комнаты редко означали удачу. Чаще они означали, что сюда почему-то не полезли даже твари.

Он медленно провёл стволом по углам, задержался на шкафах, на полу под столом, на тёмном провале между стойками оборудования.

Ничего не шевелилось.

Пока.

Он выдохнул и ещё раз прислушался.

Тишина держалась.

И именно поэтому медлить было нельзя. Пока из коридора не донёсся шорох, пока что-нибудь не полезло из трещин, вентиляции или темноты за спиной, нужно было использовать комнату. Хотя бы как временную нору. Проверить рану, батарею, остатки снаряжения.

Взгляд снова зацепился за дальний угол. Там, под шкафом и осыпавшейся панелью, было слишком темно даже для обычной тени.

Он вернулся к створке, выкинул щит в проём и вдавил фиксаторы. Ударные штыри с хрустом вошли в бетон. По корпусу прошла короткая дрожь — сцепление подтверждено.

Шесть часов.

Потом перегрев.

Не спасение. Передышка.

Он хмыкнул. В полном облачении. Ну да, почти в полном. Если не считать того, что половина систем уже дышала через раз, а вторая половина держалась на злости, старой военной сборке и его упрямстве.

Проверив фиксацию ещё раз, он ударил металлическим кулаком по тусклому свечению на левой панели. Свет мигнул и погас. Лишнее пятно, которое могло выдать его из коридора, исчезло.

Теперь вход был прикрыт.

Не крепость, конечно, но для такой дыры и это почти роскошь.

Он развернулся и оглядел комнату уже иначе — не как случайную дыру среди тоннелей, а как место, где, возможно, придётся переждать несколько часов.

Убежище было дрянное. Временное. Насквозь пропахшее пылью, старым металлом и мёртвым воздухом. Но выбирать не приходилось. В его положении любая коробка со стенами уже считалась удачей.

Броня тихо зашипела. Визор вывалил перед глазами тревожные метки, но он смахнул их в сторону и запустил аварийное раскрытие.

Замки вдоль позвоночного сегмента щёлкнули не сразу. Система тянула, скрежетала, будто сама броня не хотела отпускать того, кого всё это время держала в живых. Потом задняя пластина дрогнула, разошлась по шву, выпуская наружу тяжёлый, застоявшийся воздух из внутреннего слоя.

Он подался вперёд, выдернул плечи из креплений и на секунду застыл, держась рукой за стену. Мокрая ткань под бронёй липла к спине и боку, холодила там, где кровь уже успела остыть.

Запах ударил почти сразу.

Кровь, пот, жжёный металл, химия инъекций, старая грязь в швах и стыках — всё смешалось в один тяжёлый, липкий дух. Любого нормального человека давно бы вывернуло.

Его уже нет.

После определённого срока человек перестаёт различать, где его собственная вонь, а где чужая кровь и гниль.

Шаг назад от раскрытой брони и тут же поморщился — не от усталости, а от боли в левом боку. Резкой, тянущей, злой.

Без визора помещение провалилось в темноту. Ещё минуту назад броня рисовала ему стены, шкафы, стол, завалы и проходы сухими метками на экране. Теперь всё это исчезло. Осталась чёрная, густая муть, в которой предметы угадывались только по памяти.

Он выставил руку, нащупал стену и упёрся в неё ладонью, чтобы не завалиться. Под подошвой хрустнул бетонный мусор. Боль снова дёрнула бок, заставила коротко вдохнуть сквозь зубы.

Потом он почти машинально потянулся к поясу, выдернул аварийный фонарик и встряхнул его, запуская старый тусклый элемент.

Свет вышел слабым, желтоватым, дрожащим.

Но в этой темноте хватило и его.

Повреждение оказалось хуже, чем хотелось.

Игла всё-таки прошла внешнюю пластину. Не разворотила узел, не снесла половину бока — за это можно было мысленно поблагодарить тех сволочей, которые когда-то проектировали эту тяжёлую консервную банку. Но до живой плоти дрянь всё равно добралась.

Вскользь. Неглубоко. Зато достаточно, чтобы внутренний слой пропитался кровью и теперь лип к телу.

Пальцы прошли рядом с раной, проверяя край, глубину и влажную ткань вокруг.

Плохо.

Не смертельно.

Пока не смертельно.

Кровь уже не хлестала, как в первые минуты, но останавливаться до конца не собиралась. Хуже было другое: перед тем как он вышел из брони, медблок успел показать две метки.

Кровопотеря.

Токсин.

Значит, игла была не просто железом. Эти суки оставили в нём что-то ещё.

Он понял это не сразу — скорее почувствовал по тому, как изменилась боль. В ней появилась новая глубина: не резкая, не горячая, а тянущая, грязная, будто рана жила отдельно от тела и медленно пускала в него что-то чужое.

Паники не было. Только глухое, неприятное узнавание.

В этих руинах даже мелкая тварь могла оставить после себя такую дрянь, что через пару часов человека начинало выворачивать изнутри. Сначала ломило суставы, потом мутнело зрение, потом тело переставало слушаться. А дальше уже как повезёт. Обычно не везло.

Организм ещё держался на той дряни, что в него залили перед выходом. Не лекарство — поводок. Пока она гуляла в крови, боль шла глуше, руки не дрожали, сердце не срывалось в пустой бешеный стук, а тело продолжало выполнять приказы, хотя давно уже должно было лечь.

Эта химия выгорала. Он чувствовал это по тяжести в мышцах, по сухости во рту, по тому, как мир иногда на долю секунды терял резкость. Но остатки ещё работали. Давили боль. Держали воспаление. Может, и токсин пока прижимали к стенке.

Поэтому кризал он не трогал.

Не из героизма. Не из упрямства. Просто рано было жечь последний патрон, пока старое дерьмо в крови ещё хоть как-то воевало за него.

На несколько секунд пришлось замереть и закрыть глаза, чтобы не сорваться в спешку. Спешка здесь убивала быстрее ран.

Сначала нужно было сесть. Снять пропитанную кровью ткань, посмотреть, что там под ней, не врёт ли боль, не пошла ли по краям чернота или чужая желтизна. Потом промыть, перетянуть, закрыть снова и решить, сколько ещё можно тянуть на той химии, что пока оставалась в крови.

Кризал подождёт.

Если он вообще умел ждать.

Снаружи, по ту сторону щита, всё ещё стояла тишина. Настоящая, тяжёлая, готовая лопнуть в любой момент.

Он посмотрел на закрытый проход, потом снова на рану и криво усмехнулся.

— Ну давай, — хрипло пробормотал он то ли себе, то ли броне, то ли всему этому сдохшему миру. — Удиви меня ещё чем-нибудь.

Отдельного средства против этой дряни у него не было.

Да и вряд ли оно вообще существовало в этом секторе. За полгода непрерывных боёв никто так и не понял до конца, чем были эти твари, откуда они полезли и почему каждая новая вылазка приносила новую заразу, новый яд или новую форму, которую прежние инструкции уже не брали.

Учёные, штабные крысы, аналитики — все они наверняка рисовали схемы, спорили над отчётами и делали вид, будто способны объяснить происходящее.

Он был не из тех, кто сидит над таблицами.

Он шёл в первом авангарде. Там, где ответы не находят. Там дохнут раньше, чем успевают задать вопросы.

Теперь он остался один.

Один, кому тогда вообще удалось выжить, когда эта дрянь вырвалась из-под земли и разметала строй, будто тот ничего не весил. Он до сих пор помнил, как всё пошло к чертям: рёв, треск рвущегося металла, чёрные силуэты, тела, летящие в стороны.

Его самого подхватило ударной волной, швырнуло, как пустую жестянку, и бросило в полурухнувшую многоэтажку.

Он вырубился всего на несколько минут.

Когда очнулся и спустился вниз, своих уже не было.

Только дым, развороченный бетон, кровь, обломки и следы того, что ещё недавно было людьми.

С тех пор всё и началось.

Его личная, затянувшаяся бойня без фронта, без линии обороны и без смысла. Осталась одна схема: убить, прежде чем убьют тебя. Потом дожить до следующего часа. До следующего коридора. До следующего выдоха.

Так он и шёл все эти месяцы, хотя давно уже должен был сдохнуть где-нибудь в завале. Но не сдох.

Пока ещё нет.

На пол он опустился медленно, больше проваливаясь вниз, чем садясь. Боль в боку тут же отозвалась горячим прострелом, и несколько секунд пришлось просто сидеть, стиснув зубы, пока она не отпустит.

Потом рука сама нашла внутренний сервисный отсек. Крышка открылась не сразу — с сухим шелчком и коротким скрежетом. По уставу там должен был лежать аварийный комплект: капсула питания, запасной фильтр, сигнальный маяк, ещё какая-нибудь правильная, полезная дрянь.

Вместо этого внутри был небольшой матерчатый рюкзак.

Вещь из дома.

Для другого — старая тряпка с лямками. Лишний вес. Нарушение устава. Мусор, который нормальный штурмовик выбросил бы ещё в первый день.

Для него — нет.

Этот рюкзак был последней вещью, которая не принадлежала войне. Не броне, не приказам, не мёртвому городу и не тварям за стеной. Он таскал его не ради пользы, а потому что без него внутри оставалась бы только пустая железная коробка с мясом.

Когда-то рюкзак положили ему в руки перед дорогой. Без длинных речей, без красивых слов. Просто застегнули клапан, поправили лямку и сказали что-то обычное. Может: «пригодится». Может, что-то ещё.

Он тогда только кивнул.

Не понял.

Теперь помнил не слова. Помнил движение рук. Тепло за спиной. Запах жилья. Ту короткую, почти смешную уверенность, что любая дорога когда-нибудь заканчивается возвращением.

Он отстегнул рюкзак и положил перед собой.

Несколько секунд просто смотрел на ткань: затёртые складки, знакомые стежки, потемневшие от времени края. Эта вещь давно не подходила ни к войне, ни к нему, ни к тому, во что превратилась жизнь.

Но именно поэтому и держалась рядом.

Рюкзак он поставил рядом, на очищенный от пыли кусок пола. Снаряжение легло рядом: рюкзак, аварийная капсула, снятые крепления, всё то немного, что ещё могло пригодиться.

Тусклый аварийный фонарик уже горел у стены. Его слабый желтоватый свет цеплял пыль, старые кабели, ржавые полки и мёртвые панели, оставляя углы почти чёрными.

На миг возникло дикое ощущение, будто он не в подземной норе среди развалин, а в другой жизни: комната, лампа, темнота за окном, вещи на коленях после долгой дороги.

Он почти усмехнулся.

Почти.

Потом расстегнул рюкзак и полез внутрь.

Он разбирал содержимое медленно, почти бережно. Не потому, что внутри лежало что-то ценное. Просто каждая вещь оттуда принадлежала уже не этой жизни.

Внутри лежало немного.

Наручные часы. Старый жетон. Военный билет. Несколько бумажек, пожелтевших и ломких по краям. Мелкий хлам, который в нормальном рейде никто бы не взял даже без угрозы штрафа.

Ни пайка. Ни патронов. Ни нормального меднабора.
Зато ниже лежала рубаха.

Старая белая рубаха отца. Уже не белая, конечно, скорее серая от времени, пыли и бесконечных перекладок с места на место. Мирная вещь. Домашняя. Смешная здесь, среди крови, металла и мёртвого бетона.

Он провёл пальцами по ткани и криво усмехнулся.

Вот теперь пригодилась.

Не как память. Как повязка.

Рубаху он достал обеими руками и несколько секунд держал перед собой.

Белая ткань в его ладонях выглядела почти чужой. Слишком мягкой. Слишком чистой для этого места, даже после всех месяцев, проведённых в рюкзаке.

Он опустил взгляд на воротник.

Надпись всё ещё держалась. Аккуратная, выведенная рукой матери. Маленький след из мира, где вещи подписывали, складывали, берегли и верили, что человек обязательно вернётся.

Он слотнул.

Потом резко отвёл глаза.

Думать об этом было нельзя.

Рванул ткань.

Треск прозвучал слишком громко. Будто он рвал не рубаху, а последнюю нитку, которая ещё связывала его с тем, кем он был раньше.

На миг захотелось остановиться. Убрать её обратно. Найти что-нибудь другое.

Но другого не было.

Он разорвал рубаху на полосы. Остаток аккуратно отложил в сторону, словно даже теперь не мог обращаться с ней как с обычной тряпкой.

Затем он оттянул край пластыря.

Не обычная аптечная лента, а грубая полевая заплатка: плотная, с армированными полосами, с серым клеевым слоем и мелкими фиксаторами по краям. Такая должна была стянуть рваный разрез, закрыть кровь, пережить грязь, пот и движение брони.

Должна была.

Сейчас пластырь держался на честном слове. Края отстали, армированные полосы пошли волнами, под серой поверхностью темнела кровь. Стоило приподнять его сильнее, как из раны снова потянуло тёплым.

Не хлынуло. Уже хорошо.

Но и закрываться нормально не собиралось.

Запах тоже был плохой.

Ещё не настоящее гниение. Но уже предупреждение.

Он плеснул остатки антисептика из аварийной капсулы на полоску отцовской рубахи и протёр рану вокруг пластыря, потом осторожно подсунул ткань под отставший край — туда, где кровь сильнее всего пропитывала внутренний слой. Не повязка. Скорее грязная солдатская заплатка поверх заплатки.

Боль ударила глубже. Не резанула — вдавилась внутрь, до рёбер, до позвоночника, до чёрной пустоты за глазами.

Сознание на секунду сорвалось.

И тут старая боевая химия в крови ударила обратно.

Сердце толкнуло сильнее. Зрение собрало комнату из мутных пятен в стены, стол, рюкзак и жёлтый свет фонарика. Дрожь в руках ушла не полностью, но стала управляемой. Тело, уже почти готовое выключиться, снова получило приказ жить — грубый, химический, без права спорить.

Он переждал ещё пару секунд, пока дыхание не стало ровнее.

Потом прижал пластырь обратно, наложил сверху ещё одну полосу ткани и затянул её через крепления внутреннего слоя — ровно настолько, чтобы кровь не сочилась дальше. Не красиво. Не стерильно. Но лучше, чем ничего.

Он убрал остатки рубахи обратно в рюкзак, закрепил боковую пластину и несколько секунд просто сидел, слушая собственное дыхание.

Снаружи было тихо.

Значит, можно было заняться следующим.

Едой.

С едой вышло хуже, чем с боекомплектom, стимулами и всеми его планами вместе взятыми. Нормальные запасы закончились ещё в первую неделю. Полевой паёк делали для рейда, зачистки, короткой операции — для войны, у которой есть начало, конец и кто-то в тылу, кто обязан считать дни.

Здесь тыла не было.

Какое-то время он ещё тянул на остатках пайка, аварийных капсулах и той гадости, что находил в чужих брошенных наборах. Потом начал слабеть. Не красиво, не драматично — просто ноги стали тяжелее, руки медленнее, а прицел начал плавать там, где раньше стоял мёртво.

Тогда пришлось смотреть на тварей уже не только как на цель.

Ирония была паршивая, но честная: если эта дрянь хотела его сожрать, он имел полное право ответить тем же.

В первый раз его чуть не вывернуло ещё до того, как он поднёс кусок ко рту. Кровь, запах, синие и фиолетовые прожилки в мясе — всё кричало, что такая дрянь не должна попадать внутрь человека.

Но голод умеет говорить убедительнее гордости. Особенно когда следующий бой может начаться через минуту, а руки уже дрожат от пустого желудка.

Проверять всё равно пришлось. Анализатор сожрал часть батареи, долго тупил над образцами, ругался красными метками, но в итоге отсеял откровенную отраву и оставил несколько видов мяса, которые система назвала условно пригодными.

Условно — хорошее слово.

В этом месте почти всё было условным: безопасность, отдых, шанс дожить до утра. Еда тоже не стала исключением.

Есть пришлось без удовольствия и без самообмана. Просто потому, что телу нужно было топливо.

К его собственному удивлению, мясо оказалось почти нормальным. Если не смотреть на срез и не думать, что именно лежит на языке. Жёсткое, плотное, местами суховатое — что-то между олениной и старым кабаном.

Есть можно.

И на том спасибо.

Так что теперь он ел именно это.

У стены, рядом с раскрытой бронёй и рюкзаком, места хватало ровно на то, чтобы не задевать рану лишней рукой. Плоский нагревательный блок лёг на очищенный кусок пола. Следом из подсумка появились несколько заранее срезанных полос мяса.

Запас.

Теперь уже почти обычный.

Он принялся устраивать себе ужин.

Само слово показалось настолько нелепым, что он криво усмехнулся.

Ужин.

Будто всё происходящее ещё имело хоть какое-то отношение к нормальной жизни.

Почему ужин? Потому что внутренний таймер брони упрямо показывал восемь вечера. Восемь, мать его, вечера. По тем часам, которые давно потеряли связь с этим местом.

Здесь не было ни дня, ни ночи, ни рассвета, ни заката. Только полумрак, бетонная сырость, глухая тьма в проходах и воздух, пропахший старым железом, гарью и гнилью.

Но если таймер говорил, что вечер, значит, пусть будет вечер.

Какая разница, как называть ещё один кусок выживания.

Так он и жил. Так и делал.

Нагревательный блок дрогнул слабой вибрацией и начал набирать тепло. Пластина ожила не сразу, с задержкой, будто и ей уже надоело работать в этом мёртвом месте. Когда жар пошёл ровнее, мясо легло сверху. Поверхность медленно темнела, стягивалась, выпускала тяжёлый запах жареной плоти.

Когда-то его бы от этого вывернуло. Теперь только свело желудок. Организм отреагировал быстрее головы, болезненно напоминая, что красивые мысли о брезгливости живут ровно до первого настоящего голода.

Он сидел у стены рядом с раскрытой бронёй и тусклым фонариком. Перед ним шипело мясо твари. Вокруг — мёртвый технический узел, пыль, старые кабели, тёмные углы и город над головой, который давно перестал быть городом.

Без огня. Без посуды. Без нормальной еды.

И почти без отвращения.

Наверное, именно так и остаются живыми: убиваешь то, что хочет убить тебя, потом выживаешь, потом ешь — и идёшь дальше.

2

Тишина вернулась почти такой же, как раньше: густая, давящая, с тухлым воздухом, болью в бок и собственным дыханием внутри. Ничего нового, если не считать тревоги, которая теперь сидела глубже обычного. За последний месяц он слишком хорошо выучил: такая тишина редко приходит одна. Иногда за ней ползёт что-то мелкое, терпеливое и почти бесшумное.

Он оставался у стены, рядом с раскрытой бронёй, рюкзаком и тусклым фонариком. На нагревательном блоке остывали тёмные полосы мяса. Запах жареной плоти висел в помещении, смешивался с пылью, гарью, кровью и старым техническим смрадом.

Бок ныл не резко, а глубоко и мутно. Под полевым пластырем и куском отцовской рубахи что-то пульсировало в такт сердцу. Химия в крови пока держала его, но уже не железной хваткой, а грязными пальцами за край воротника.

Тонкий писк разрезал темноту — короткий, жалкий, со странным надломом в конце.

— Мяс!

Он застыл. Мозг не сразу принял звук, не смог вписать его ни в одну боевую схему. Не визг. Не скрежет. Не щёлканье хитиновых пластин. Не мокрое сопение твари, ползущей по вентиляции.

— Что?..

Слово вырвалось хрипло, почти зло. Тело отработало быстрее головы: рука дёрнулась к модулю, которого рядом не было. Броня стояла раскрытая, тяжёлая, мёртвая без него внутри. Резак лежал у снаряжения, вроде бы рядом, но в такие секунды даже это расстояние казалось издевательством.

Звук шёл из дальнего угла, из тёмного места под столом, куда фонарик почти не доставал. Там, за ножками, кабелями и старой панелью, чернела плотная тень. Обычная тень, если верить глазам. Но без визора он давно не верил глазам.

— Мяс! — повторилось оттуда, резче, уже почти с требованием.

Дальше всё пошло само. Он рванулся к броне, не думая ни о боли, ни о ране. Тело вспомнило порядок быстрее головы: нога в ложемент, плечо под крепление, спина во внутренний слой. Боль полоснула бок так, что в глазах на миг потемнело, но руки уже работали.

Замки ударили по направляющим. Броня начала сходиться сзади, ещё не закрытая до конца, ещё щёлкающая сервоприводами, а визор уже вспыхнул перед глазами и без долгой диагностики бросил комнату в боевой полутон: стены, стол, стул, кабели, шкафы, заваленный угол. Контуров дрожали, но держались. Источник звука визор отметил почти сразу — тёмное место под столом, за старой металлической пластиной.

Боевой модуль оказался в руке раньше, чем броня успела закончить фиксацию. Ствол пошёл в угол тихо, ровно, без лишнего движения.

— Мяс!

Теперь звук ударил прямо по нервам: из-под стола, из узкой щели между панелью и стеной. Палец лёг на спуск. Ещё доля секунды — и он разнёс бы этот угол вместе с пластиной, кабелями и всем, что там сидело. Если это была мелкая тварь, разведчик, личинка или новая форма, лучше размазать её сразу, пока она не метнулась под недозакрытый шов, не вцепилась в внутренний слой брони и не добралась до раны.

Но звук повторился. Тонкий, жалкий, живой.

Он замер. Не опустил оружие, просто не нажал. Потом шагнул ближе, удерживая модуль на линии огня, и носком брони сдвинул старую пластину в сторону.

Из темноты на него смотрели два голубых огонька сквозь слипшуюся шерсть.

Существо сидело под столом, вжавшись в пыль и старые кабели. Грязное, облезлое, с торчащими рёбрами, распластанными ушами и слишком большими глазами. Оно дрожало всем телом, но всё равно открыло пасть и выдало ещё одно:

— Мяу.

Ствол опустил самую малость.

Не потому что он сразу понял. Как раз наоборот — понял поздно. Непозволительно поздно для человека, который когда-то слышал этот звук тысячу раз. Просто память, задавленная месяцем подземной мясорубки, сначала выдала привычную метку: угроза. Всё, что шевелилось в темноте, могло прыгнуть, укусить, плюнуть ядом, пролезть под броню или привести за собой стаю.

А простые вещи остались где-то далеко. За городом, за войной, за приказом, за той чертой, после которой обычный писк уже не был обычным писком, а становился сигналом к выстрелу.

Он стоял с модулем в руке и смотрел на этот грязный комок под столом, пока мозг наконец не собрал картинку целиком: шерсть, лапы, уши, тонкий хвост, дрожащий бок, жалкий открытый рот.

— Твою мать... — выдохнул он. — Кот.

Броня снова разошлась с тяжёлым шипением. Он вывалился наружу почти боком, криво, сдерживая рык, когда рана вспыхнула горячей болью. Одна рука сразу ушла к стене, другая подобрала фонарик с пола. Свет дрогнул, скользнул по столу, старым кабелям, пыли и остановился у тёмного угла.

Котёнок замер там, вжавшись в грязь под столом.

Тусклый свет задел его морду, и зверёк сразу зажмурился, прижал уши сильнее и выдал уже не мяуканье, а почти истеричный писк:

— Мяу!

— Стой, — рыкнул он.

Вышло слишком грубо. Не просьба, а команда, которой можно было остановить штурмовую группу перед зачисткой. Котёнок дёрнулся, зашипел тонко и жалко, попытался забиться глубже в темноту. На миг из-под стола блеснули две ярко-голубые точки — глаза поймали свет фонаря и тут же погасли, когда он отвернул морду.

— Вот же...

Он выругался уже без злости, скорее на себя. Опустился ниже, насколько позволял бок, и отвёл фонарик чуть в сторону, чтобы не бить зверьку прямо в глаза. Потом медленно протянул пустую руку ладонью вниз, не приближаясь слишком резко.

— Тихо. Не дёргайся. Я тебя не трону.

Голос вышел хриплым, чужим, пропущенным через боль и усталость. Для маленького зверя — едва ли лучше рыка. Другого у него сейчас всё равно не осталось.

Комок под столом уже не кричал. Вжался в стену, выгнув тощую спину и распушил шерсть, насколько позволяли силы. Получилось жалко: не зверь, а мокрая грязная тряпка на тонких лапах. Из горла шло тихое ворчание вперемешку с шипением, но даже оно звучало не угрозой, а последней попыткой казаться больше, чем есть.

На секунду рука задержалась.

Как он вообще тут оказался?

В нижнем секторе, среди тварей, ядовитой пыли, завалов и мёртвых техмагистралей. Один. Такой мелкий, что его могло прихлопнуть первым же куском бетона. Кошка могла притащить выводок в какую-нибудь сухую щель под коммуникациями. Могла уйти за едой и не вернуться. Могла сама стать едой. В этих тоннелях вариантов хватало, и почти все заканчивались одинаково.

Лишнее.

Он оборвал размышления. Не время. Не задача. Живой — значит, сначала вытащить. Остальное потом.

Память подсунула старый приём: брать за загривок. Не гладить, не лезть пальцами к морде, не изображать доброго идиота. Загривок — и всё. Так таскали котят, так их можно было удержать, если они ещё не успели превратиться в клубок когтей и зубов.

Рука пошла вперёд медленно. Зверёк шипел, пятился, цеплялся лапами за пыльный пол, но места у него почти не оставалось. Пальцы сомкнулись на загривке. В ту же секунду мелкий успел дважды цапнуть его за перчатку и полоснуть когтями по пальцам.

Бесполезно.

Хватка сделала своё дело. Тощий комок почти сразу обмяк и повис в руке, как грязная тряпка с глазами. Лёгкий до злости. Будто из него вынули весь дух, оставив только кожу, кости и упрямое желание не сдохнуть.

— Как тебя угораздило? — тихо пробормотал он, вытаскивая его на свет. — И где твоя мать?

Ответа, конечно, не было. Зверёк только покосился в сторону, словно его качнуло невидимым сквозняком, и коротко мяукнул уже тише, без прежней истерики.

— Ну что ж, — сказал он после паузы, — раз уж мы тут вдвоём, пойдём. Покормлю. Думаю, тебе такое понравится меньше, чем мне. Но выбирать у нас обоих хреново получается.

Подняться получилось не сразу. Бок тут же отозвался горячей полосой, и пришлось на секунду замереть, удерживая зверька на вытянутой руке. Потом всё-таки удалось выпрямиться, прихватить фонарик и сделать несколько осторожных шагов к временному привалу — туда, где рядом с раскрытой бронёй лежали рюкзак, аварийная капсула, нагревательный блок и остатки его странного ужина.

Беглый взгляд нашёл чистый клаптик пола возле нагревательного блока. Не чистый по-настоящему — просто там было меньше пыли, осколков и кабельной трухи. Для этой дыры уже почти роскошь.

Туда он и опустил зверька.

Мелкий сразу собрался напряжённым комком, готовый снова шипеть и рвануть в темноту, но почти тут же замер. Нос дёрнулся. Потом ещё раз. Запах мяса оказался сильнее страха.

— Ну вот, — хрипло усмехнулся он и тут же поморщился от боли. — А то мяу-мяу.

Кусок тваринного мяса лёг рядом. Нож разделил его на мелкие волокна, и несколько кусочков отправились ближе к зверьку. Совсем немного: чтобы не подавился, не вывернуло, не сдох от первой же еды.

Мелкий смотрел на мясо, потом на него, потом снова на мясо.

— Ешь, — сказал он тише. — Тут гурманов давно не осталось.

Зубы вцепились в кусок сразу. Передние лапы прижали добычу к полу, будто та могла ожить, убежать или её сейчас отберут.

Ел жадно, давился, рычал и мяукал одновременно. Получалось сиплое бормотание, в котором было больше голода, чем злости.

Кривая улыбка сама появилась на его лице — почти незаметная под грязью, щетиной и усталостью. Он отрезал ещё немного, подвинул ближе, но мелкий тут же дёрнулся в сторону, прижал добычу к полу и заурчал громче. Решил, что сейчас заберут.

Улыбка стала шире.

— Это, значит, у тебя спасибо такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.